

Е. О. Полякова

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Трансформация жанра жития в новелле М. Кузмина «Пример ближним»

Полякова Е. О. Трансформация жанра жития у новеллы М. Кузмина «Пример ближним». У статті досліджено способи модерністської трансформації жанру житія в процесі стилізації новели М. Кузміна «Пример ближним» під претексти літератури середніх віків. У ході аналізу її поетики виявлено, що зміна жанру відбувається на всіх рівнях твору: хронотопу, сюжету, системи персонажів, ідейно-змістового наповнення. Показано, що текст новели, завдяки функціям породження смислів стилізації, мотивної структури, інтертекстуальних елементів, підтексту та авторської іронії, здобуває можливість варіативності трактувань, характерну для літератури модернізму.

Ключові слова: Михайло Кузмін, стилізація, жанр, мотив, модернізм.

Полякова Е. О. Трансформация жанра жития в новелле М. Кузмина «Пример ближним». В статье исследованы способы модернистской трансформации жанра жития в процессе стилизации новеллы М. Кузмина «Пример ближним» под претексты средневековой литературы. В ходе анализа ее поэтики выявлено, что изменение жанра происходит на всех уровнях произведения: хронотопа, сюжета, системы персонажей, идейно-смыслового наполнения. Показано, что текст новеллы, благодаря смыслопорождающим функциям стилизации, мотивной структуры, интертекстуальных элементов, подтекста и авторской иронии, приобретает возможность вариативности трактовок, характерную для литературы модернизма.

Ключевые слова: Михаил Кузмин, стилизация, жанр, мотив, модернизм.

Poliakova Ye. O. Transformation of hagiography genre in Mikhail Kuzmin's short story "Example for fellow creatures". The article investigates ways of modernistic transformation of hagiography genre in the process of stylization in M. Kuzmin's short story "Example for fellow creatures" in imitation of the pretext of medieval literature. The analysis of this poetics revealed that a genre that changes cover all levels of the work of art: chronotop, plot, characters of ideological and semantic content. It is shown that the text of the short story, in response to function of stylization, motivic structure, intertextual elements, subtext and author's irony acquires the possibility of variation of interpretations that characterizes the literature of modernism.

Keywords: Mikhail Kuzmin, stylization, genre, motif, modernism.

Михаил Кузмин вошел в историю русской литературы рубежа XIX – XX веков, прежде всего, как поэт и стилизатор. При этом специфика стилизации в его повестях и романах изучена гораздо лучше, чем в малой прозе. Этой проблеме посвящены работы Н. Граматчиковой, Н. Журавлевой, О. Осиповой, Л. Пановой [3, 5, 9, 10], которые показали, что М. Кузмин, стилизуя, использовал коды различных культур – от античности до современности. Уяснение же своеобразия и функций стилизации в новеллистике М. Кузмина все еще остается актуальным. Представляется, что при решении этой задачи следует учитывать результаты исследований как названных ученых, так и наблюдения А. Лаврова и Р. Тименчика [7], Н. Богомолова [1], А. Пурина [11], Е. Ермиловой [4], В. Маркова [8] и др., сделанные в процессе анализа поэтики прозаических произведений М. Кузмина.

Одной из репрезентативных для стилизованной малой прозы М. Кузмина является новелла «Пример ближним» (1915), для которой характерно воспроизведение элементов средневековой литературы в модернистском ключе. А. Свиридова

в статье «Лингвистический креатив как частный случай прецедентности языка» [12], анализируя языковые аспекты новелл «Пример ближним» и «Два чуда», приходит к выводу, что в этих произведениях представлены диаметрально противоположные точки зрения на смысл библейского выражения «святильник не ставят под спудом». Целью нашего исследования является анализ трансформации жанра жития в стилизации М. Кузмина, которая приводит к возникновению «антижития».

Фабула новеллы «Пример ближним» повествует о грехопадении монаха. История жизни святого традиционно находила воплощение в агиографической литературе. Основным материалом для авторов служили события из жизни человека, в которых наиболее ярко проявлялась его святая сущность. В новелле М. Кузмина кратко излагается история жизни послушника, который страстно желал служить Богу. Благодаря своей праведности, послушанию и искреннему стремлению он стал монахом, названным Геннадием, и ушел в пустыню, чтобы пройти через новые испытания. С этого момента сюжет новеллы

обрастает неожиданными для жития эпизодами, которые резко меняют ход событий и вместо святости приводят к грехопадению. Это позволяет соотносить жанр новеллы с «антижитием». В истории русской литературы есть примеры произведений, повествующих о том, как грешник проходит сложный путь и становится праведником (Н. Лесков «Очарованный странник», Л. Толстой «Отец Сергий» и т.п.). У Кузмина же показано полное разложение человеческой души, которая перешла на сторону дьявола и им же была повержена.

При анализе новеллы следует учитывать и увлечение Кузмина старообрядчеством. Одна из главных фигур в истории раскола православной церкви – патриарх Никон, которого впоследствии лишили сана. Он был идеологическим противником старообрядцев, что послужило причиной создания о нем множества устных преданий и «антижития», впервые записанного дьяконом Федором Ивановым, попавшим в заточение вместе с протопопом Аввакумом [2].

Л. А. Черная в своей работе «Антропологический код древнерусской культуры», сопоставляя качества героя жития и антигероя антижития, выделяет такие критерии: «Благое рождение – Подлое рождение; Боголюбие – Безбожие; Милосердие – Немилосердность; Смирение – Гордыня (яръость); Нищелюбие – Алчность; Доброта – Злоба; Красота внутренняя – Уродство; Чудеса – Злодеяния; «Свой» (христианин, «знаем людьми») – «Чужой» (поганый, «незнаем меж людьми»); Посмертное благоухание – Смерд от могилы; Подобен Богу – Одержим дьяволом» [13:231].

Эти особенности свойственны и новелле «Пример ближним». У М. Кузмина коллизия осложняется тем, что герой одержим дьяволом, не ведая об этом. Геннадий искренне желал служить Богу, уйти из мира и уединиться в пустыне. Но, встретив дьявола в обличье солдата, герой не подозревает, что тот искушает его, а, поддавшись искушению и согласившись заботиться о его сестре, заключает с ним сделку. В итоге Геннадий совершает двойное убийство, скрывается, забирает деньги, лжет, нарушает клятву, вступает в брак.

Все эти поступки свойственны преступнику, а не добродетельному монаху. Он совершал их, вроде бы, ненамеренно – не столько по злему умыслу, сколько желая выглядеть достойно в глазах ближних. На самом деле во всех этих случаях героем владела гордыня, проявлявшаяся в боязни уронить свое достоинство перед окружающими. Таким образом, в новелле сюжетно обыгрывается библейский афоризм «Путь грешников вымощен камнями, но в конце его – пропасть ада», ассоциации с которым возникают на уровне подтекста. Эта же идея прослеживается и в организации хронотопа: Геннадий начинает свой духовный путь в заброшенной каменоломне, а

заканчивает во дворце, где жизнь его внезапно обрывается. По канонам жития, монах проходит путь от мира к затворничеству. Здесь же все происходит ровно наоборот.

Кроме библейского интертекста, оригинальным элементом новеллы является включение реминисценции образа Татьяны из романа А. Пушкина «Евгений Онегин». Четвертый раздел новеллы начинается словами: «Женщина была молчаливой и дикой» [4:661]. К характеристике женщины применяется эпитет «чужеземка», она сравнивается с диким зверем. Вводя реминисценцию, Кузмин не пародирует известную характеристику пушкинской героини, а создает абсолютно противоположный женский образ: если Татьяна Ларина – носитель лучших душевных качеств, то сестра воина (т.е. пособница и орудие дьявола), несмотря на сходное описание, выглядит экзальтированной и жестокой. Такая парадоксальная трансформация претекста свидетельствует об использовании Кузминым культурных кодов в совершенно неожиданных целях, что наполняет текст символической многозначностью.

Новелла обладает довольно развитой мотивной структурой. Наиболее показателен мотив тени. Когда Геннадий встретился с воином-дьяволом, ему показалось, «что, чем дальше удалялся гость, тем выше и туманнее становился, словно растекаясь в вечернем воздухе» [4:661]. После первого преступления монах подумал, будто «тень от него похожа на тень огромного вооруженного воина» [4:664]. Таким образом, в силу вступает новый мотив – мотив двойничества (также характерный для произведений Кузмина «Флор и разбойник», «Совпадение» и др.). Изменившаяся тень стала знаком того, что монах поступил на службу к дьяволу и расщепил свою душу. Кроме того, царевна, на которой женился Геннадий, была удивительно похожа на свою любимую обезьяну Сафо: «временами Геннадию казалось, что он женился на мартышке» [4:665]. Здесь двойничество не только приобретает ироническую окраску, но и намекает на оборотничество, а значит и на демоническую природу жены.

Еще один важный мотив – это мотив черноты, который проявляется при каждом духовном падении персонажа. Тьма в душе монаха постоянно дает о себе знать: после смерти женщины «лицо его было черно» [4:663], «потемнел разум» [29:664], «темное лицо глянуло на него из медной поверхности» [4:664]. Наконец, самое яркое проявление черноты – описание смерти Геннадия: «Лицо его было *черно*, как обожженное молнией, а на спинку кресла забралась *мартышка* и раскрыла розовый зонтик над покойником» [4:666]. Таким образом, мотив черного цвета символизирует глубину темноты в сердце человека, а мартышка с зонтиком неуместно «веселого» – розового – цвета, по сути, вместе с дьяволом

смеется над незадачливым претендентом на роль святого, жизнь и деяния которого заслуживает описания в жанре жития.

Ставя в новелле проблему *истинного* и *ложного*, М. Кузмин наполняет ее и страшными событиями, и курьезами, а желания главного героя вызывают не только сочувствие, но и смех. Авторская ирония проявляется на уровне повествования особенно в эпизодах, приоткрывающих истинные мысли и намерения монаха, и в тех случаях, когда становится очевидной разница между тем, как выглядят действия Геннадия со стороны и его собственным видением поступков. Суть жития – в попытке показать «пример ближним», но для писателя с сознанием, характерным для кризисной эпохи рубежа веков, такая попытка выглядит не только нелепой, но и небезопасной. Если в средневековой литературе герой мог стать святым, искренне совершив множество благих поступков, то, по мнению модерниста М. Кузмина, от добрых деяний осталась только форма. И чем больше человек стремится следовать правилам, тем меньше он в этом преуспевает. Не случайно в новелле Л. Андреева «Правила добра» (1911) герой может совершить добрый поступок, только преодолев привычные сознательные установки.

Специфика сознания человека рубежа веков проявляется и в авторской трактовке мотива богооставленности. С точки зрения М. Кузмина, в определенное время жизни человек оказывается свободным в своем выборе, однако рано или поздно в его жизнь вмешиваются высшие силы. Для монаха Геннадия это – сам дьявол. За стремлением героя подавать пример ближним кроется не только гордыня, но и неглубокое понимание человеческих возможностей в этом мире. Поэтому силой,

руководящей жизнью монаха становится сатана, а не Бог. Божественные силы отходят в сторону, не вмешиваясь и не препятствуя совершению зла. Тем не менее, правосудие над монахом все равно вершится.

Страшный Суд для Геннадия наступает при жизни, а не на небесах, и вершит его не Бог, а дьявол. По М. Кузмину, человек остается во власти высших сил, но последний приговор ему выносит тот, кому принадлежит его душа. Божественное и дьявольское начала по силе воздействия на человека не противопоставляются, а приравниваются друг к другу, если речь идет о человеческой душе. Человек не способен стать абсолютно свободным от высших сил, но он может предопределить свой путь, проникая в суть явлений, а не следуя общепринятым нормам. Самое страшное, что человек может не подозревать о том, кому он служит. К пропасти ада приводит ограниченность человеческого сознания. В таком случае, возникает вопрос о мере вины человека, открывая возможность вариативности в трактовке новеллы.

Таким образом, специфика стилизации в новелле «Пример ближним» заключается в кардинальной трансформации претекста – жанровой модели жития, в процессе модернистской игры М. Кузмина превращающей ее в «антижитие». Это стало возможно благодаря системе многозначных мотивов (тени, двойничества и оборотничества, черноты, истинного/ложного, праведного/грешного), подтексту, иронии и оригинальности авторской трактовки свободы и предопределенности в судьбе человека.

Литература

1. Богомолов Н. Михаил Кузмин: Статьи и материалы / Н. А. Богомолов. – Москва : Новое лит. обозрение, 1995. – 368 с.
2. Бубнов Н. Ю. Старообрядческое «антижитие» патриарха Никона / [Электронный ресурс] / Н. Ю. Бубнов. Святые и святые северорусских земель. – Каргополь, 2002. – С. 221 – 230. Режим доступа: <http://www.anti-raskol.ru/pages/1242>
3. Граматчикова Н. Б. Игровые стратегии в литературе серебряного века (М. Волошин, Н. Гумилев, М. Кузмин) : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Наталья Борисовна Граматчикова. – Екатеринбург, 2004. – 204 с.
4. Ермилова Е. В. О Михаиле Кузмине / Е. В. Ермилова // Кузмин М. Стихи и проза. – Москва : Современник, 1989. – С. 3 – 22.
5. Журавлева Н. В. Художественные функции стилизации в романе серебряного века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 [Электронный ресурс] / Наталья Васильевна Журавлева. – Воронеж, 2004. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennyye-funktsii-stilizatsii-v-romane-serebryanogo-veka#ixzz2rPfk7BHG>
6. Кузмин М. Подземные ручьи. / М. А. Кузмин. – СПб. : Северо-Запад, 1994. – 735 с.
7. Лавров А. «Милые старые миры и грядущий век»: Штрихи к портрету М. Кузмина / А. В. Лавров, Р. Д. Тименчик // Кузмин М. Избранные произведения. – Ленинград : Худож. лит., 1990. – С. 3 – 16.
8. Марков В. Беседа о прозе М. Кузмина / В. Марков // Кузмин М. А. Проза. / Ред. и примеч. Вл. Маркова. Т. 1 – 9. – Berkeley, 1984 – 1990. – С. 7 – 18.
9. Осипова О. И. Жанровые модификации в прозе «серебряного» века: Ф. Сологуб, В. Брюсов, М. Кузмин: Дис. ... д. филол. н. – М., 2014. – 438 с.
10. Панова Л. Игры с Брюсовым: Александр Великий в творчестве Кузмина // НЛО. – 2006. – № 78. // Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/78/pa13.html>
11. Пурин А. О прекрасной ясности герметизма / А. А. Пурин // Кузмин М. Подземные ручьи. СПб. : Северо-Запад, 1994. – С. 725 – 730.

12. Свиридова А. Лингвистический креатив как частный случай прецедентности языка / А. Свиридова // Вестник Южно-Уральского государственного университета, 2013. – Серия : Лингвистика. – Т. 10. – Вып. 1. – С. 53 – 58.
13. Черная Л. А. Антропологический код древнерусской культуры. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – 464 с. – (Studia historica).